

ISSN 2311-0546

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 1(37) 2017

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринова Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чаеван Лим (Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии
Васильев Сергей Владимирович
8 (495) 954 93 63
8 (495) 125 62 52
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии
Чешко Сергей Викторович
8 (495) 954-83-29
8 (916) 288-63-04
ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей
Белова Наталья Андреевна
belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016
© Журнал «Вестник антропологии», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Физическая (биологическая) антропология

<i>Герасимова М.М., Година Е.З., Лейбова Н.А.</i> Бунаковские чтения	4
<i>Великанова М.С.</i> О Георгии Францевиче Дебенце – ученом и человеке	12
<i>Саливон И.И.</i> Изменения основных размеров головы, лица и тела у городских школьников Беларуси в течение трех последних десятилетий	24

Этнокультурные процессы в современном мире

<i>Арутюнов С.А.</i> Этничность, сходящая на нет	41
--	----

Кавказские исследования

<i>Бигуаа В.Л.</i> Абхазское Рождество: обрядовая практика и архаические корни празднества	63
<i>Зельницкая (Шларба) Р.Ш.</i> Распространение шелководства в Закавказье: исторический и этнографический аспекты	73

Антрапологическая мозаика

<i>Белова Н.А.</i> Молодежь и мигранты в провинции: проблемы и основные тенденции межнациональных отношений (на примере г. Костромы)	82
<i>Самойлова Е.В.</i> Коды кормления и битья (запугивания) в системе аграрных практик: Феномен параллелизма и взаимозамещения	95

Полевые материалы

<i>Квашнин Ю.Н., Сенько Р.И.</i> Что от вас ушло, то к нам пришло (селькупский шалаш у тундровых ненцев)	112
--	-----

История науки

<i>Карлов В.В.</i> Научное наследие Л.П. Лашука: разработка историко-социологических подходов в этнологии	125
---	-----

Для студентов и аспирантов

<i>Баринова Е.Б.</i> Порядок обучения в аспирантуре Института Этнологии и Антропологии РАН	136
--	-----

A Propos

<i>Чешко С.В.</i> Российская нация	144
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2016 г.	148
<i>Contents</i>	152
<i>Our authors</i>	153
Правила оформления статей	154

КАВКАЗСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 394.2+398.332.416

© В.Л. Бигуаа

АБХАЗСКОЕ РОЖДЕСТВО: ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА И АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРАЗДЕСТВА

Несмотря на то, что абхазы – это один из тех народов, в духовную жизнь которых христианство проникло еще во времена его возникновения, а в качестве государственной религии в самом начале раннего средневековья, они по сей день не расстаются со своими древними культурами. Одним из них является традиционное Рождество, которое отмечается в день рождества Христа-спасителя. На основе полевых этнографических исследований в данной работе дается описание ритуальной практики культа. В работе делается также попытка выяснения генезиса тех или иных элементов обрядового действия и, конечно же, самого культа как такового.

Ключевые слова: Рождество, традиция, обряд, ритуал, огонь, жертва, моление, молельщик, культ, сакральность, солнце, бог, божество, торжество.

В абхазском быту Рождество является одним из наиболее значительных и ярких праздников. При этом в условиях присущего абхазскому быту явлению, когда идеология и обрядность православного христианства «мирно» уживалась с мифологией и культовой практикой традиционных верований, Рождество обладало характеристическими чертами обеих мировоззренческих систем (и в том, и в другом случае у праздника одно название К'ирса – *Қъырса*, происходящее от греческого имени Иисуса-купителя и Спасителя мира).

Празднование христианского Рождества полностью укладывается в канонические рамки. Православные абхазы, проживающие в городах, за редким исключением, принимают участие в рождественской службе, начинающейся в полночь на праздничный день в церкви. В церковь ходят и сельские жители, но, естественно, только там, где она действует. После основной части службы, все они спешно возвращаются к себе домой, чтобы отдохнуть, а затем достойно встретить Рождество, но уже по-абхазски – *апсыуала*.

Специфика обрядовой практики делает невозможной отправления Рождества горожанами, которые живут в «неудобных» высотных домах; не отмечают праздник и те абхазы, которые в силу своего социального положения отошли от «старины». Отрицание традиционного мироощущения абхазского народа возникло как продукт известных перегибов, имевшихся в советской политической системе и инертно сохраняется и в современных реалиях его жизни. В целом же политеистическое Рождество воспринимается всеми как сугубо народное, абхазское, независимо от официального вероисповедания – православия или ислама.

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; Эл. адрес valera.biguua@yandex.com.

Подготовка к Рождеству

Обычно к Рождеству начинают готовиться, примерно, за неделю до его празднования. Эти дни называются «преддверием Рождества» – *Қырыса аламҭала*. При этом в любой традиционной семье, занимаясь подготовкой к празднеству, придерживаются традиционного половозрастного разделения труда. Женская половина семьи приступает к своим делам, связанным с наведением порядка в доме, во дворе, стиркой, уборкой и другими, считающимися чисто «внутренними делами». Одной из главной обязанностью хозяйки дома считается еще и «заточение» годовалого петуха под корзину, где все это время она держит его, прикармливая кукурузой и подавая питьевой воды, чтобы он мог «очиститься».

Мужчины занимаются трудоемкими и тяжелыми «внешними делами». Это обеспечение семьи праздничной мукой и другими продуктами, широкомасштабная чистка скотного двора и т.д. Важной мужской обязанностью была заготовка достаточного количества дров. Обычно к ней приступали в середине осени, когда начинается «период спячки растительного мира» – *ашәаҭыңың аныңдау*. Лес валили, затем стволы просушивали, обрубали ветви и т.д., на что уходило примерно месяц-полтора, после чего доставляли на арбе или волоком в деловой двор дома.

Можно сказать, что заготовка дров в определенной степени носила ритуализированный характер. Дело в том, что в народе весь этот период времени, включая и день празднества, назывался еще и «периодом декабрьского огня» – *қырыса-м҃а анеиқәырјо аамҭа*, так как днем и ночью в открытом очаге дома непрерывно поддерживался необычайно сильный огонь. Характерно, что еще до наступления советского времени в жизни абхазов, да несколько десятилетий и после этого, праздничные дрова готовили отдельно. Считалось, что если для отопления дома идет любое дерево, то на праздничный огонь только плотная древесина: дуб, бук, граб, акация и другие породы, отдающие необычным жаром. И место для них устраивалось отдельно от обычных дров.

Сильный огонь в очаге, тем более, когда во дворе стоял сырой зимний холод и основное время суток весь мир казался окутанным темнотой, приносил семье не только тепло и свет, но и радость, и веселье, и новую жизненную силу, предвещая надежду и поддержку своей величавостью. Бывало, что отдельные жители села умудрялись сжигать и старые деревья, отставшие от лесного массива – там же, на месте. Пламя, образующееся от горения высокого дерева, освещало всю округу, рассеивая длинную ночную тьму, и создавало неописуемую красоту¹.

В самые долгие ночи года в жилом доме огонь присутствовал не только в том помещении, где располагался очаг, но и во всех других комнатах, но это уже в виде свечей, если даже никто в них не находился, чтобы злым силам не было места прятаться.

В течение этого времени, какие бы ни были конфликты внутри семьи, или в общественном быту не допускались. То есть сдержанность, тактичность, вежливость и другие нормы поведения, характерные для традиционных взаимоотношений абхазов, в ожидании Рождества соблюдались с еще большей подчеркнутостью. На против, сидя у очага, в котором горел рождественский огонь, взрослые члены семьи проводили время допоздна, время от времени вспоминая отдельные моменты уходящего года, обсуждая планы в наступающем году. Глава семьи – отец семейства, или дед, затягивал бытовые рассказы или забавные сказки. Молодые, стоя позади, слушали их. В больших многопоколенных, многодетных семьях еще играли на музыкальных инструментах, пели, танцевали, весело и шумно коротали ночи допоздна.

В такие веселые дни темный цвет в одеянии людей считался нежелательным. Напротив, каждый старался обновить к празднику хоть какой-нибудь элемент формы одежды, особенно детям. Одеждой членов семьи занимались старшие домочадцы, чаще пожилые. До массового распространения фабричного производства, трудоспособные бабушки пряли детям теплые шерстяные носки, ткали полотна на рубахи или штанишки, деды шили сыромятную обувь, более состоятельные – и из сафьяна. Особой изысканностью отличалось также семейная пища, особенно во время ужина.

И в предпраздничные времена ужин начинался после наступления темноты, как только собиралась вся семья, но за время предрождественских дней мать семейства кормила своих домочадцев изысканными продуктами питания. Таковыми считались хранившиеся обычно впрок так называемые «плотные», «теплые» блюда, необходимые в зимние холодные времена. Это копченое мясо – *ажы́цаа* (просоленное мясо, которое подверглось копчению над открытым очагом), абхазская колбаса – *атубар* (фарш из просоленных внутренних частей и курдючного сала барана, пропитанный толченым чесноком, завернутый в тщательно очищенные и промытые кишкы, туго завязанные ими же так, чтобы из него получилось несколько изделий в виде колбас, нанизанных в деревянные шампуры, при помохи которых вешают высоко над очагом для копчения), *акырма* (смесь просоленных и слегка поваренных почек, легких, сердца, печени других, тщательно почищенных, промытых внутренних частей крупного рогатого скота, в собственном жире, хранящаяся в глиняных сосудах), а также мед, твердые и жидкые молочные продукты – сыр, *ачафыр* (свообразная просоленная сметана, изготовленная в бурдюке путем систематического и тщательного взбалтывания смеси коровьего и буйволиного молока, простоквши и размельченного сырчужного сыра в определенных долях) и другие кушанья, отличающиеся высокой калорийностью. На столе мог быть также кабачок различных сортов, каштан и прочие лакомства, богатые витаминами, недостающими организму человека в зимнее время. Непременным атрибутом застолья было ароматное черное вино*. Словом, семья должна была быть сытой. Сытость давала гарантию того, что в новом году она будет жить в достатке. Об этом говорит и поговорка: «Как встретишь год, так и проведешь его» – *ашықэс ушацыло еици цухыгуоит* (*утысуеит*).

В рождественский период времени отличался и корм домашних животных без исключения. К вечеру, например, в ясли крупному рогатому скоту и лошадям клали не только дополнительные порции сена или чалы (высушенные стволы и стебли кукурузы), но и початки кукурузы; дойным коровам к ним добавляли еще и сою. А мелкий рогатый скот пасли днем, исключительно вечноzelеными листьями растений, выющихя высоко на старых деревьях, которые специально для этого валили.

Наиболее насыщенным днем подготовительного периода являлся канун Рождества. В этот день все, что необходимо для проведения празднества, должно было быть на своем месте, как бы «в стартовом положении» – начиная от материалов, из которых готовят всю мучную пищу, и кончая жертвенным животным. В этой связи еще в начале XX столетия Н. С. Джанашия писал: «Абхаз считает за позор, если он в этот день (в день Рождества. – В. Б.) не зарежет козла или какое-либо другое животное» (*Джанашия* 1960: 52).

И в настоящее время данная традиция не теряет своего былого значения. Во всяком случае, наличие мяса в абхазском доме, хотя бы покупного, считается обязательным.

Важным было, чтобы трудоспособные члены семьи поступали так, чтобы в день праздника они могли заниматься только собственно праздничными делами

* В абхазском языке красные вина обозначаются как черные.

Обрядовая практика традиционного Рождества

Еще до советизации страны, даже и в первые времена ее существования, Рождеству придавалось большое значение. Для встречи рождественского дня каждый хозяин дома должен был проснуться рано, как забрезжит свет, чтобы быть очевидцем «вставания солнца» – *амра ағыламта*. Затем вставала и его жена, которой предстояло отправление специального обряда *ағәныұза*. Первым элементом праздничного ритуала было благодарение бога: «Создатель наш, Великий Бог, благодарю за возможность, данную мне тобою, встретить сегодняшний праздник вместе со своей семьей в целости и сохранности» – *ұзашаң Аңқаду ухъышырғызыңа сакәыхшоуп тәаңдала, ңстбара ҳамамкә аңқаду ухъышырғызыңа сакәыхшоуп тәаңдала, ңстбара ҳамамкә аяхъатә аныұза ҳаңылартә ҳаңылықоңаз азы*.

Поблагодарив бога, каждый приступал к своим делам. Хозяин, совершив ритуальное омовение лица и рук, выходил во двор, обходил свое хозяйство, заносил в дом необходимое количество дров на поддержание огня. Жена тоже делала ритуальное омовение и приступала к приготовлению обрядовой пищи. Затем глава семейства, к тому же более свободный от дел, будил всех домочадцев, чтобы поздравить их с Рождеством и вместе встретить восход солнца: «Дай вам бог встретить рассвет праздничного дня и в будущем году, и в последующем году вот так, как сегодня, здоровыми и невредимыми» – *әсаңғы үаһъғы абас, аяхъа еиңи, шебега-шегеизөйда аныұзаша аңқада шәтапталаасит*. Обнимала и целовала в щечку каждого домочадца и мать семейства со словами праздничного благопожелания.

Сегодня ритуальная встреча солнца соблюдается, но ограничивается в основном обрядовым действием *ағәныұза*, которое, как утверждают информанты, не отличается от действия прошлых времен. Суть его в следующем.

К утру на каждого члена семьи хозяйка дома печет по одному одноименному с самим обрядом пирогу, начиненному сырчужным сыром, а на вид напоминающему человеческое сердце. Если погодные условия позволяют, то обряд проводится во дворе, нет – под навесом или на балконе дома. И, каждый из домочадцев, стоя и держа правой рукой пирог, повернувшись лицом к восходящему солнцу, произносит молитву: «Всевышний – создатель наш, дай мне тепло твоих глаз, не обделяй меня теплом созданного тобой солнца, чтоб я никогда не жаловался на свое сердце, дай мне доброго здоровья, силу и долгих лет жизни!» - *ұзашаң Аңқаду, улыңха сыйт, умра аңхара сыгу-мырхан, сәғи сұмырхын, ағылбера сыйт, ағамч сыйт, аңсыніры сыйт!*

Поскольку пирог этот носит персональный характер, каждый должен съесть его самостоятельно и с удовольствием, не делясь при этом ни с кем, причем, не отворачиваясь от солнца, даже на миг. Об оставлении на потом, тем более о выбрасывании его остатков, не может быть и речи: «грешно, обряд теряет свой магический смысл, магическую силу» – *ұасым, амч аузом!*

Сразу после завершения данного обряда семья приступает к своим непосредственным обязанностям, связанным с устройством самого празднества. Хозяин дома выводит из скотника козленка, обычно годовалого, производит символическое омовение его морды и ножек, и правой рукой беря его за рога, встает вместе с ним с обнаженной головой на самом красивом и открытом уголке двора. Обращаясь лицом к востоку, он приносит жертву богу со словами его задабривания и благопожелания: «Создатель наш, Великий Бог, да обойти мне твою золотую пяту! Дай мне и моей семье тепло твоих очей, тепло твоего сердца, благодать созданного тобою солнца!

Береги всех нас от несчастного случая, где бы мы не находились – в доме, в лесу, в пути, на дереве, в воде и в других местах! Сегодня мы встречаем тебя целыми, невредимыми, приносим тебе то, чем располагаем. А в следующем году постараемся встретить тебя еще лучше! – ҳазиаз Անցադу, ұхышырыгъыңа сакәыхшоуп! аацәала улырхә ҳат, үгэзырхә ҳат, умра аңхара ҳаҳумбаан! Уаҳхылатаи – афны ҳакоума, абнағы ҳакоума, амфа ҳакоума, айла ҳакоума, ҳахъча! Иахъя ҳауҭылоит зегъи ҳаиб-гаҳаизыда иҳалиш ала. Җааны еиҳагы өзъны ҳауҭылоит ҳәа ҳәэы итоуп!

Затем он как семейный жрец вместе с жертвенным животным три раза поворачивается кругом против движения солнца. Произнося хоровой «аминь», все его домочадцы, смиленно стоящие за ним, также без головных уборов, совершают те же самые полные повороты. Закалывание жертвенного животного производится исключительно самим молельщиком собственноручно, положив его головой на восток так, чтобы лицевая сторона его была обращена на солнце. С окончанием же всей этой процедуры, молодыми домочадцами стремительно производится свежевание убитого животного. Они же разделяют тушу строго по частям и кладут в котел для варки, если погода позволяет, то во дворе, нет – над очагом дома. Хозяйка дома режет петуха, которого в течение недели держала взаперти, произнося также просительные слова, адресованные Богу. Затем петуха жарят на вертеле, готовят разного рода мучные блюда, среди которых центральное место занимает крутая каша из кукурузной муки – *абыста*. Конечно же, во всех этих делах ей помогают молодые женщины – невестка, дочери и др.

К полудню все эти приготовления должны быть заакончены, поскольку вторая, основная очередь моления произносится в тот момент, когда поднимается солнце на максимальную высоту, тем более в такой короткий день.

Повторную молитву семейный жрец произносил именно там, где просил Бога в первый раз. Не отличалась от первой и его молитвенная речь, если не брать в расчет то, что до этого он показал ему, Богу, жертвенного животного в живом виде, а сейчас – его сердце и печень. То есть и здесь, в день рождественского праздника, как в молитвенной формуле, так и ритуальном действе, наблюдается трафаретность, характерная для подобных традиционных праздников: становление молельщика и его домочадцев лицом к солнцу, повороты правым плечом, торжественное одобрение молитвенной речи жреца всеми присутствующими на нем и т. д. и т.п.²

Атрибутивным элементом «моления сердцем и печенью» жертвенного животного является восковая свеча, которую жрец зажигает перед началом моления, а после моления прикрепляет к помосту, если его нет, то к дереву, под которым оно справляется. Заметим еще, что обычно свечу тушат большим и указательным пальцами до ее полного догорания, то есть оставляя, примерно ее четвертую часть³.

Рождественское «установление стола» – *аишәаргылара*

Как только завершится моление, хозяйка дома «ставит стол» «находящимся на том берегу» (на том свете) – *нырцэы икоу* родственникам. Так же, как и в былые времена, данный блок обрядности занимает столько времени, сколько и обычный обеденный перерыв.

На стол, предназначенный покойным родственникам, ставится все, что приготовлено в честь Рождества, за исключением козьего мяса. По представлению абхазов,

коза как будто божественное животное, но с другой стороны, она считается произведением нечистых сил, видимо, за ее «чрезмерную хитрость и шаловливость» – *ацьма гызмалуп, алеишәа бааңсун*.

Так или иначе, козье мясо на черный стол не кладется. Здесь приемлемо только куриное и говяжье мясо, которое для данного стола покупается специально. Еще более приемлемым мясом для поминального стола считается баранина. Но в условиях современной хозяйственной жизни абхазов достать ее нелегко. Рядом с мясом на стол ставится «центральная доля» – *агэхә*, главным образом, вышназванная абыста, а также пирог с сычужным сыром – *ачашә*, крутая каша, приправленная кисломолочным сыром – *аилацъ*, вареник в виде полукруга – *ачааңә*, крутая каша из поджаренной в масле пшеничной муки с медом – *аҳалуга*. К категории «тех, с чем его едят» – *ацыфа* относится индюшатина в ореховой подливе – *ашишәиешәчаңа*. Далее: сушенное инжировое желе – *алаҳарәа*, низки чищенного от скорлупы ореха в виноградном желе – *ацьынцыхәа*, высушенные низки яблочных нарезок – *аїзарәа* и прочие лакомства. Конечно же, среди них и кувшинчик с черным вином, без которого не обходится ни одно абхазское застолье.

Глава семьи встает лицом к входной двери, которая к этому времени должна быть открыта, и «приглашает покойников» за стол: «Заходите, родные мои, в дом, не бойтесь, помойте руки. Мы накрыли на стол по силе своей возможности, ешьте и пейте не спеша столько, сколько ваша душа желает!» – *шэынал, шәра рыпчакәа, шэынал, акы шәацәымшиәка шәнатқәа зәзәны, шәтәа. Иҳалиоз ала шәхә җархи-еит, шаггәы шахынзатхау, шәмыццақықәа, крышажәы!*

Хозяйка дома «поливает им на руки воды», подает полотенце, отодвигает стулья от стола на необходимое расстояние и «усаживает гостей». Затем отламывает по несколько кусков от каждого блюда и кладет их «каждому гостю» на тарелки, наливает в стаканы вино. В ряде случаев, «гостей с того света» обслуживает сам глава семьи. С истечением определенного времени, он, или она, слегка покачивает стол, в знак окончании «обеда усопших». После «ухода посетителей» те куски пищи, которые были отломаны от каждого блюда, выбрасываются во двор для тех, кому некуда обратиться за едой (имеются в виду те чужие покойники, которые не имеют живых родственников).

Праздничное застолье

Застолье начинается сразу после окончания *ашәаргылара*. Начало всех начал – это омовение рук: глава семьи, старший брат, затем младшие, точно так же с соблюдением возрастной иерархии. Церемония этот больше соблюдается в быту сельских семей, особенно в отдаленных от городской «цивилизации» со своим политическим лицом. За стол садятся также по установленному традицией порядку: сначала – старший, затем младший, и так далее. Исключение самая младшая женщина в семье – невестка, дочь, которые обязаны обслуживать пирующих домочадцев. И трапеза проходит с соблюдением традиционных устоев: к еде приступают, тосты произносят также под началом главы семьи, и когда он говорит, молодые встают и слушают его. Словом, абхазский застольный этикет жив, как и в любом другом случае, если не в полном объеме, то в значительной своей части. Но здесь, за праздничным столом, традиционного этикета придерживаются заметно подчеркнуто, хотя в несколько деланной окраске.

Комментарии и интерпретация полевого материала

Очевидно, что сегодня описанная выше обрядовая практика традиционного абхазского Рождества имеет тенденцию стать частью истории бытовой культуры абхазов. Даже в Абжуйской (Восточной) Абхазии обществе, где до сих пор традиционное Рождество считается обязательным празднеством, в подавляющем большинстве случаев ограничиваются уже обычаем «ставить стол» покойным родственникам⁴.

Наряду с известным нам уже термином *қыырса-мза*, лексика абхазского языка знает еще два наименования декабря: *ҟынчқәынмза* и *лымда-мза* (*Гулиа* 1986: 269; *Ломтатидзе* 1977: 39–45). Первое название месяца не нуждается в комментариях, оно происходит от современного абхазского названия Рождества. *ҟынчқәынмза* имеет наибольшее распространение в северо-западной части страны и, скорее всего, это – эпитет, характеризующий поведение месяца. Довольно часто, в декабре бывают не совсем зимние, а по-летнему теплые, солнечные дни. Прямой перевод термина – «месяц молодого лета».

Судя по степени стертости из памяти народа, корни третьего термина *лымды-мза* уходят в далекое прошлое культурного развития народа. Тем не менее, природа его звучания как нельзя лучше характеризует первый месяц зимы со своими природными явлениями.

В качестве аргументации данного тезиса приведу наиболее известные примеры из традиций народов мира.

Как известно, 22 декабря – это тот день, когда солнце находится на самом отдаленном от нас расстоянии. Даже в полдень оно поднимается над горизонтом на минимальную высоту. Естественно, поэтому на него приходится самый короткий день и, наоборот, – самая долгая ночь года. В этот день наступает астрономическая зима. Смена такого природного явления не могла не волновать древнего абхаза, как и любого другого древнего человека. Боязнь потери источника света и тепла заставляла его молиться за Солнце, за возвращение его целым и невредимым. Он хорошо знал, что без здорового солнца, дающего достаточное количество тепла и света, он не может восстановить себе необходимую энергию и привычный ритм жизни. И, таким образом, начало времени увеличения светового дня воспринималось им как рождение Солнца, как праздник.

Далекие предки абхазского народа не могли быть исключением. Именно в тот период времени, когда солнце пребывало далеко на юге и давало минимальное количество тепла и света, они делали все, что от них зависело, чтобы содействовать его возвращению в целости и сохранности, ибо возобновление жизнедеятельности главного небесного светила знаменовало начало новой жизни, обновление природы. Первым способом такого содействия было моление верховному божеству, задабривая его торжественными, хвалебными словами и, самое главное, молением и жертвоприношением – *аныҳара*, *аныҳагат*. Первая, основная жертва – холощеный козел – *ашьтә*.

Место холощеного козла в религиозной жизни абхазов хорошо известно этнографии.

И в наше время, за исключением земледельческих праздников, ни один религиозный праздник не обходится без случая «показа земле крови» – *адгъыл ашьа арбара*. Козел был одновременно и тотемом, и зооморфной эмблемой бога не только у абхазов, но и у многих народов Древнего Востока (*Гулиа* 1986б: 283–292). Думается, и обычай резать петуха в рождественский день не случаен. В мифологии петух как символ света связывается с солнцем (*Соколов* 1982: 309–310).

А другая жертва, приносящаяся божеству уже из числа мучных приготовлений, типа слоеного пирога – *ачашә* имеет вообще четко очерченную форму солнца. Не лишена магического воздействия на солнце и та же *агэныұә*. Надо полагать, что древний абхаз, через моление божеству за свое собственное сердце, способствовал беспрепятственному возвращению солнца.

Другим основным атрибутом традиционного Рождества был огонь – «одна из основных стихий, символ Духа и Бога, торжества света и жизни над мраком и смертью, символ всеобщего очищения; символ домашнего богатства, обновления и рождения в новом воплощении». (См. об этом: Холл 1999; Шейнина 2001). В случае же предрождественского ожидания огонь – это та магическая сила, которая изображает и призывает свет солнца, которое после самой долгой ночи в году должно было подняться все выше и выше. Это, с одной стороны. С другой стороны, при помощи «большого огня» абхазы разогревал «застрявшее солнце». Ведь, не только у абхазов, но и «в первобытной философии мира» солнце, как и другие тела, «одарено жизнью и по природе принадлежит к существам человеческим» (Тейлор 1939: 208).

Народ верил в то, что сила огня передается и солнцу. Ту же самую функцию выполняла и восковая свеча, тем более, что из неё исходит приятный аромат, способный пропитать космос, небесную силу. Как говорилось выше, огонь имел еще и «внутреннее» значение. Огонь, и исходивший из него свет, очищал и охранял его, его семью, а также и само жилище, в котором он проживал вместе с нею, от нечистых сил.

Непременным условием абхазского традиционного Рождества был и вышеуказанный поминальный стол, предназначенный ушедшем в иной мир родственникам.

Поминание духа умерших родственников происходило не только в торжественные моменты жизни, но и во время прямой опасности для живых. Безусловно, таким опасным периодом времени был и день зимнего солнцестояния, когда главный источник света и тепла стоял на грани жизни и смерти. Естественно, в такой критический момент для жизни надо было позвать их на помощь. Наиболее верной формой призыва покойников о помощи было угождение. С другой стороны, принято думать о том, что души умерших родственников продолжают существовать, пока живые помнят о них. По представлению абхазов, да и не только абхазов, души умерших – сила, охраняющая семью от всяких невзгод, и сами нуждались в поддержке со стороны живых, поэтому и во время праздничных дней их не обделяли вниманием, тем более тогда, когда стояли долгие холодные ночи. Поэтому их грели огнем, дополнительно освещали еще и восковыми свечами. Более того, и судьба солнца зависела и от духа умерших родственников, поскольку в тот период большую часть времени оно проводило в подземелье, являвшемся постоянным местом пребывания последних. Третий и решающий фактор всего этого движения – «атавистический страх», о котором писал еще Юлиус Липс (Липс 1954: 386) (родители всегда боятся появления у потомков каких-либо признаков дефекта, свойственного некоему далекому предку).

И последнее. Абхазское традиционное название декабря месяца, равно и самого праздника – *лымд/ламда*. Месяц получил название от одноименного праздника. За аналогичными примерами далеко ходить не надо. Они рядом, в народном календаре абхазов: *амшаҭы* (пасха) – *мишатымза* (пасхальный месяц, апрель), *нанұә* (культ матери земли) – *нанұәмза* (месяц культа матери земли, август), *ажсырныұә* (культ божества кузни и кузнецкого дела) – *ажсырныұәмза* (месяц культа кузни и кузнецкого дела, январь), *жәабран* (культ божества крупного рогатого скота) – *жәабран-*

мза (месяц культа божества крупного рогатого скота, февраль), *хәажәкыра* (культ плодородия) – *хәажәкырамза* (месяц культа плодородия, март).

Если отделить от термина «лымд/ лымда» звук «м», играющий здесь роль элемента отрицания, то остается «лада» – юг. «Во время усталости солнца», «когда солнце застrevает» – *амраангыламтә*, *амрааңсамтә* – древний абхаз не мог не держать место его пребывания – «юг» в табу, так как незнакомая, дальняя земля, так близкая ко дну мира, представляла собой неподдающуюся разгадке тайну, а тайна – опасность. Еще бы! Солнце находится почти там, где горизонт сливается с небом. Говоря словами великого этнолога Эдуарда Тэйлора, это как раз тот момент, когда налицо «сцена великой драмы природы»: столкновение двух противоположностей – света и тьмы (Тейлор 1939: 229).

Итак, исследуемый в настоящей работе праздник *Лымднышә*, опаленный дыханием древних традиций и известный ныне под абхазским именем Спасителя мира, *Қыұрса*, посвящен рождению непобедимого Солнца, точно также, как это было у народов Ближнего Востока и сопредельных с ним областей, с чими цивилизациями соприкасалась культурная жизнь далеких предков абхазского народа. Он проводился и сегодня проводится в один день с христианским Рождеством, совмещаясь с ним в подлинном мире.

Примечания

¹ Обрядовое разжигание старых деревьев на территории подсобного хозяйства я видел в детстве, когда воспитывался в доме родителей моей матери. Вообще мой дед, Воу Бирам, проживавший в урочище Мрамба, с. Отап, был глубоко набожным. К тому же, он как ревностный последователь традиционной религии всегда и при любых обстоятельствах почитал огонь, тем более праздничный. Помню, как он и его сын, Кыпса (мой дядя), при помощи волов, запряженных в ярмо, из ближайших лесов волокли толстые бревна, которые в период Рождества днем и ночью горели в открытом очаге.

² В настоящее время редко кто может дать ясную картину ритуальной практики традиционной формы проведения Рождества. На вопрос, была ли зарыта в земле кувшин с вином, который был предназначен празднеству, дают неоднозначный ответ. Но некоторые респонденты склоняются к тому, что, все же, отправление культа осуществлялось у кувшина, который назывался бырысанча8пъя (рождественский кувшин).

Правда, относительно функционального назначения кувшина возникают некоторые сомнения, но и я помню, как мой дед, открывал кувшин с вином в честь дня Рождества. Но точно не могу утверждать, что этот кувшин был посвящен именно празднеству или нет, хотя моление божествуправлял непосредственно у кувшина.

³ Инф. Кутелия Жора Цаквович, 72 года, с. Арасадзыхь, 30 мая 2014 г.; Чагуаапха Эва шамильевна, г. Сухум, 3 мая 2014 г.; 67-летней Тарпха Рена Григорьевна, 67 л., в с. Араду, 28 мая 2014 г.; Кобахиапха Светлана Вартановна, 57 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г.; Кобахиа Генадий Мизанович, 58 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г.; Кобахиа Лев Григорьевич, 76 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г. Бигуаа Виктор Игнатьевич, 73 г., с. Лыхны, 2 ноября 2014 г.

⁴ Ностальгически вспоминаю как мой дед, Воу Бирам, проживавший в селе Уатап, ревностно и торжественно с жертвоприношениемправлял традиционные праздники, в том числе и Рождество. Неоднократно я видел, с каким приподнятым настроением и жертвоприношением Рождество отмечали двоюродный брат моего отца, Бигуаа Леуа, и муж моей тети, Гуарзалиа Сардиан, проживавшие по соседству с нами в с. Тхина.

Источники и литература

- Гулиа 1986а – Гулиа Д.И. История Абхазии / Собрание сочинений. Сухуми, 1986. Т. 6.
 Гулиа 1986б – Гулиа Д.И. Культ козла у абхазов / Собрание сочинений. Сухуми, 1986. Т. 6.
 Джсанашия 1960 – Джсанашия Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

- Lips 1954 – Lips Ю. Происхождение вещей.* М.: Иностранный литература, 1954.
- Lomtatiidze 1977 – Ломтатидзе К.В. О древних названиях месяцев в абхазском и абазинском языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания.* Тбилиси, 1977. [Вып.] II.
- Sokolov 1982 – Соколов М.Н. Петух / Миры народов мира.* М., 1982. Т. 2. С. 310.
- Teilor 1939 – Тейлор Э. Первобытная культура.* М., 1939.
- Xoll 1999 – Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве.* М., 1999.
- Sheinina 2001 – Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* М.: АСТ, Торсинг, 2001.
- Энциклопедический словарь 1907 – Энциклопедический словарь Брокгауза А.Ф. и Ефрана И.А. СПб., 1907. Т. 82.*

References

- Gulia D.I. Istoriiia Abkhazii. Sobranie sochinenii.* Sukhumi, 1986. Vol. 6.
- Gulia D. I. Kult kozla u abkhazov. Sobranie sochinenii.* Sukhumi, 1986. Vol. 6.
- Dzhanashiiia N.S. Stati po etnografii Abkhazii.* Sukhumi, 1960.
- Lips Ju. Proiskhozhdenie veshchei.* Moscow, 1954.
- Lomtatiidze K.V. O drevnikh nazvaniakh mesiatsev v abkhazskom i abazinskem iazykakh // Ezhegodnik iberiisko-kavkazskogo iazykoznaniiia.* Tbilisi, 1977. Vol. II.
- Sokolov M.N. Petukh. Mify narodov mira.* Moscow, 1982. Vol. 2.
- Tardzhman-ipa G.G. Pishcha i domashniaia utvar, zastolnyi etiket.* Abkhazy. Moscow, 2012.
- Teilor E. Pervobytnaia kultura.* Moscow, 1939.
- Frezer Dzh. Zolotaia vety.* Moscow, 1983.
- Kholl Dzh. Slovar siuzhetov i simvolov v iskusstve.* Moscow, 1999.
- Sheinina E.Ja. Entsiklopediia simvolov, znakov, emblem.* Moscow, 2001.
- Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza A.F. i Efrona I.A.* St. Petersburg, 1890–1907. Vol. 82.

V.L. Biguaa. Abkhaz Christmas: Ritual Practice and the archaic roots of the Festival.

Abstract: Despite the fact that the Abkhazians are one of those people, in the spiritual life which Christianity had penetrated in the days of its origin, but as a state religion in the beginning of the early Middle ages, to this day not parting with their ancient cults. One of them is a traditional Christmas which is celebrated on the day of the Nativity of Christ the Savior. On the basis of the field ethnographic researches in this paper describes the ritual practices of the cult. The work is also the experience of clarify the Genesis of certain elements of the ritual ceremonies and, of course, the cult as a whole as such.

Key words: Christmas, tradition, rite, ritual, fire sacrifice, prayer, the working prayer, worship, the sacredness, the sun God, a deity, a celebration.